

Иван Паластров

**ИВАНКИНО
ДЕТСТВО**

Иван Паластров
Иванкино детство

«Издательские решения»

Паластров И.

Иванкино детство / И. Паластров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833542-6

Эта книга рассказывает о детстве деревенских друзей-мальчишек в далекие пятидесятые годы. Книга рассчитана не только на детей, но и на взрослых, потому что у всех было свое детство, может быть, похожее на детство этих друзей-мальчишек.

ISBN 978-5-44-833542-6

© Паластров И.
© Издательские решения

Содержание

Мое село	6
Изба	7
Старая пожарка	8
Поскотина	9
Маме посвящаю	10
Омут	11
Гроза	12
Иней на деревьях	13
Ботинки для пионера	14
Горький дым	15
На мельнице	16
В лог (овраг)	17
Укус гадюки	18
Земляника с молоком	19
Шмелиный мёд	20
Рождество	21
По лужам босиком	22
Удар молнии	23
Конопля	24
Печёнки	25
Жвака	26
Пучки	27
Пенки	28
Угоры	29
На току	30
Дядя Боря	31
Родное...	32
Самануха	33
Суслики	34
Березовка	35
Стрижи	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иванкино детство

Иван Паластров

© Иван Паластров, 2016

ISBN 978-5-4483-3542-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мое село

Мое село было основано во времена Демидовых. Место было выбрано красивое, на небольших холмах – угорах, с небольшой речкой Течей. Село было большим, основные улицы тянулись вдоль берегов речки с небольшими примыкавшими улочками и проулками. Было много каменных домов и большая церковь. Когда-то село было богатым, но революция распорядилась по своему, церковь закрыли и богатых крестьян разорили, отобрав у них все дома и землю. В селе провели коллективизацию и организовали три колхоза. Но вскоре их объединили в один. В общем, как и по всей стране в те далекие времена. В колхозе, после войны, было большое хозяйство: были коровы, свинарник, птичник, овчарня и свой огород для овощей.

Люди конечно работали за трудодни и им доставалось то, что не забирало государство, а не забирали самую малость, чтобы как-то прокормиться. Недавно закончилась тяжелая война и в стране было тяжело всем. Народ понимал это и старался помогать стране как мог. Правда, жизнь потихоньку налаживалась, и жить становилось легче. В селе была школа-семилетка, кто хотел учиться дальше – учились в районной школе. Многие оставались и шли в колхоз работать. После семилетки было нам по 14—15 лет.

Дальше я постараюсь описать наше детство, в то далекое время в селе.

Изба

Как известно, деревенское жильё это изба. Избы разные, есть большие – пятистенники и меньше, всего с одной комнатой. Но во всех домах есть русская печь. Если дом большой, печь делит его на две половины, в одной стоит стол с широкими скамьями вдоль стен, середка и горница. В первой комнате обедали и делали какие-то хозяйские дела, иногда кто-нибудь отдыхал на широкой лавке после обеда. В горнице обычно стояла кровать большой сундук и шкаф, в котором хранились наряды и белье. Сундуки были окованы железными полосами и с запором в виде замка, может внутреннего или висячего. В горнице всегда пол застлан домо-ткаными половичками и в ней всегда чисто, на то она и горница. Между этими комнатами на ширину печи была кухня, которая называлась – середка. Я думаю, что такое название кухни от слова середка, печь-то стоит посередке избы. На середке готовили, стряпали и пекли. От печи до стены, по верху, всегда есть широкая полка, на нее ставили емкость с мукой и квашню, так как наверху всегда тепло. Муку просеивали в этой емкости ситом. Ну и еще ставили какие-то вещи, нужные на кухне. На середке тоже была широкая лавка, на которой стояли ведра с водой и небольшой столик. Чугуны и вся утварь, в которой готовили, стояла под шестком¹ печи. Под печью был, так называемый, боров, это пустое пространство, где иногда зимой жили куры. Рано утром хозяйка затапливала печь, доставала квашню и из теста делала ковриги или калачи хлеба. Когда нагорали угли, пекла лепешки или блины, для завтрака семьи. Когда дрова в печи сгорали, угли сгребались в угол печи в загнетку², и садили хлеб. Так же ставились чугуны с каким-нибудь варевом, хлеб, испекшись, вынимали, а чугуны оставляли в печи до обеда. За это время все, что в чугунах или гусятницах, натомится и распарится в печи до такой степени, что когда ели, шел такой вкусный дух и все таяло во рту.

Наверное, еще ничего не придумали лучше русской печи для приготовления пищи. Ее не заменят никакие духовки и мультиварки. Сейчас печь ушла в прошлое, и уже в ней не готовят, и наши дети и внуки не узнают, какие вкусные были блюда, приготовленные в печи. Так же нет теплее нашего, деревенского дома, обогретого русской печью или любой другой кирпичной печкой. В деревенском доме всегда был здоровый дух.

¹ Шесток – площадка перед устьем русской печи.

² Загнётка – место на шестке русской печи (обычно в левой его части), куда сгребаются горячие угли.

Старая пожарка

На самом высоком месте села, рядом с церковью, была пожарка. Так мы называли пожарную часть. Пожарка была построена еще задолго до революции, место было выбрано не случайно, оно было в самом центре села на макушке холма. Помещение пожарной было кирпичным, в нем была сложена печка, и в углу стояли нары. Вплотную к помещению стояла высокая каланча и навес, под которым стояли на повозках бочка с водой и насосная помпа. Бочка была деревянной и большой, помпа же была из какого-то цветного металла и была всегда начищена до блеска и горела как самовар. На каланчу вела крутая лестница на смотровую площадку. Сзади пожарной была конюшня с парой сытых лошадей: одна для бочки, вторая для помпы. Пожары в селе случались редко, но случались и, как правило, летом. Тогда пожарные быстро запрягали лошадей и с колокольным звоном мчались на пожар. На каланче был свой большой колокол, в него тоже звонили, чтобы предупредить народ о пожаре. Нам, мальчишкам, нравилось приходить в пожарную зимой – там всегда было натоплено и нам иногда разрешали залезть на каланчу. Мы с восторгом смотрели сверху на село, это было так здорово! Сидели на нарах и играли в подкидного дурака или еще в какую-то игру. Летом же у пожарной на лавочке всегда сидели мужики или старики, не занятые на работе. Все это продолжалось до тех пор, пока в колхозе не появилась пожарная машина. В пожарной не стало необходимости и ее закрыли, также повесили замок на вход каланчи. Нам, конечно, было жаль этого.

Через много лет я приехал в село и не увидел каланчи, не увидел пожарной, все снесли и на ее месте построили правление колхоза. Но оно простояло недолго, при падении Союза развалились колхозы, так же и развалилось правление колхоза. Церковь стоит, а пожарной каланчи нет, что-то потерялось, что-то стало не так. Время бежит, все уходит в историю, так же ушла и наша пожарка, а какой красивый вид был сверху...

Поскотина

Поскотина, это такое место в селе, где пасут домашний скот и находится она вокруг села, поросшая березовым лесом. За поскотиной находятся поля, которые были отгорожены от поскотины изгородью из жердей. Березовый лес в поскотине почему-то всегда невысокий и какой-то корявый, не то что в государственном лесу: там березы высокие, стволы гладкие и белые, прямо как невесты. Но тем не менее и такой лес тоже красивый, потому что березы в поскотине кудрявые. В нем всегда есть грузди и земляника. Но есть в поскотине такие березы, каких нет в государственном лесу, это березы-великаны. Я не знаю сколько лет таким березам, но они необхватной толщины и очень высокие. Кора внизу у них толстая, корявая и темная. Ветви толстые и раскидистые, тонкие ветви на концах, длинные и свисают на несколько метров как у плакучей ивы.. Это березы патриархи березового леса, наверно это семенники.

Мы, детвора, любили лазить на такие березы и играть на них в пятнашки. Это было так увлекательно и так отрабатывалась ловкость, как у акробатов. Такие березы росли далеко друг от друга, но были не редкостью. Если такое дерево попадало в делянке, то свалить его было не так просто. Не хватало пилы, но дров из нее получалось много и были эти дрова самыми жаркими. Расколоть такую чурку, тоже нелегко: только колуном и со стальными клиньями.

Село стояло по берегам реки, на нашей стороне была поскотина и довольно большая по площади, а вот другой стороне с поскотиной не повезло, у них ее не было. Поля начинались сразу за селом, и лес был только колками. Лес тоже был, но далеко, и коров гоняли пасти по специально оставленным прогонам между посевами.

Вот такая была у нас поскотина и такие огромные березы-патриархи. Я всегда восхищаюсь таким лесом, с белоствольными березами, всегда чистым и веселым. В таком лесу душа просто поет...

Маме посвящаю

Мама родила меня поздно, в 44 года. Я был последним ребенком. Шла война, хотя уже не у нас, а где-то далеко на западе. Вот в это тяжелое время я и родился, Я помню себя, наверное, лет с 5—6. Жили мы бедно, но речь не об этом. Мне казалось, что наша мама уже старая, хотя ей было 50. Была она худенькой и невысокой, с маленькими, но очень сильными руками. Мама была красивой женщиной, но совершенно глухой. Поэтому замуж ее никто не хотел брать. Муж был, но как сейчас говорят, жили в гражданском браке. Он погиб на фронте в 43 году.

У меня был другой отец, которого я и в глаза не видел, значит я был нагулянный, как говорил мой старший брат – зауглан. Конечно, какое воспитание могла дать нам крестьянка, которая все время работала в колхозе, чтобы хоть как-то прокормить нас троих? Но я вопреки всему вырос и стал нормальным человеком. Помню, когда нужно было весной заготовливать дрова, она брала нас на делянку. Брат и сестра были старше и помогали маме пилить дрова, а я складывал сучья в кучу, чтобы потом их сжечь. Хотя и был еще совсем мал, но у берез сучья нетолстые, толстые убирали они сами. Так же мама брала с собой в поле на работу, и я всегда ждал обеда, мама кормила меня, отдавая самое лакомое. А это были шаньги, обыкновенные шаньги с картошкой, но мне казались такими вкусными, что кажется не было ничего вкуснее на свете. Я и сейчас иногда прошу испечь такие свою жену. Она печет, но мне кажется не такие, как были у мамы.

Спали мы все на русской печке. Печка у нас была большая, и мы свободно все на ней умещались. Мама ложилась с краю, я всегда спал рядом с ней, просунув свои ножки между ее коленок. Она всегда прижимала меня к себе и гладила по спине, пока я не засну.

Мама прожила до 86 лет, я хорошо помню ее лицо, помню ее теплые мягкие губы и маленькие, самые красивые руки. Когда приезжаю на родину, всегда хожу на ее могилку и сижу. Я с ней разговариваю, она для меня живая до сих пор, хотя умерла в 1986 году. Помните свою маму, помните до конца дней своих, потому что для нас мама, жива всегда...

Омут

Село расположилось вдоль реки и было длинным. В каждом краю были свои места для купания. У нас был свой небольшой омут перед речным перекатом. С нашей стороны берег был высоким и обрывистым, наверное, метра два с половиной, другая же сторона была песчаной. Когда начиналась дневная жара и мы, ребятня, набегавшись по улицам или сходяв в лес за грибами или ягодами, бежали к своему омуту купаться. Бежали, жуя на ходу краюху хлеба, потому как поесть дома, эту самую краюху с молоком, было недосуг: омут ждал. Бежали гурьбой наперегонки, на ходу стаскивая с себя рубахи и штаны. Подбежав к обрыву, бросали одежду и недоеденную краюху на берег, прыгали в воду, кто как мог. Кто был поотчаянней, тот прыгал вниз головой, остальные поджав ноги – бомбочкой. Если купались девчонки, они с визгом выскакивали на берег и стыдливо отворачивались, прижимая руки к груди. Купались в речке до посинения, пока не начинали чакать зубами, только тогда выходили на песчаный берег и зарывались в горячий песок. Отогревшись, снова лезли в воду и накупавшись, вылезали на свой берег, одевались и бежали по домам.

Есть хотелось зверски, наевшись, у кого что было в печи, снова бежали на улицу и играли. Ближе к вечеру шли по домам: нужно было поливать грядки с огурцами. Полив грядок – это была наша святая обязанность, взрослое население были на работе. Вечером, когда вся семья собиралась дома и садились ужинать, было и такое, что засыпали прямо за столом.

Было это давно, сейчас тоже ребяташки бегают купаться, но на улице проводят времени на много меньше, чем мы. Настал век компьютеров и планшетников, айфонов и смартфонов, прогресс на месте не стоит, наверное, это хорошо.

Гроза

Солнце медленно ползло к зениту и припекало все сильнее и сильнее. К обеду стало невыносимо жарко, какая-то влага появилась в воздухе. Стало тяжело дышать. Воздух словно замер. Не шелухнется ни один лист на деревьях, не слышно щебета птиц в лесу. Все замерло в ожидании чего-то такого грозного и непонятного. На небе не было ни облачка и оно тоже стало каким-то не таким голубым, а словно выцветшим. Но вот ухо уловило какой-то непонятный звук, который исходил как будто изнутри земли, звук походил на глухой, далекий раскат, как будто где-то далеко ударили по листу железа. В небе из-за макушек деревьев появилось темное облако, оно стремительно надвигалось и превращалось в огромную черную тучу, закрывавшую все небо. Вдруг налетел ветер так внезапно, и такой силы, что все, что могло летать, поднялось в воздух. Ветер закручивал из пыли и мусора вихри, которые неслись по дороге с огромной скоростью. Вдруг ветер стих, так же внезапно, как и начался, все замолкло и наступила звенящая тишина. Упали первые, крупные капли дождя и на небе полоснула молния, такая зигзагообразная и длинная, что осветило все. Через короткий промежуток времени, раздался гром такой силы, как будто кто-то гигантский разорвал толстый брезент и полил дождь. Дождь шел сплошной стеной, сразу появились лужи, земля хоть и просила воды, но столько сразу, не могла впитать. По обочинам и канавам понеслись потоки воды, которая смывала всю грязь и уносила куда-то в овраги. Молнии сверкали постоянно, гром гремел почти без перерыва и все живое попряталось от такого натиска воды и грохота. Вдруг все закончилось так же внезапно, как и началось. Закончился дождь и туча понеслась дальше, унося с собой молнии и грохот грома. Выглянуло солнце и природа ожила, ожила напоенная дождем, на траве и листьях искрились капельки воды как бриллианты, в лесу за щебетали птички, они тоже умылись. В небе появилась радуга коромыслом. Гроза умыла землю и все что на ней растет, она смыла всю грязь. Все принарядилось, ожило, стало веселым и чистым. Прошла живительная гроза, гроза напоившая землю.

Иней на деревьях

Для многих самое лучшее время года это лето. Но хорошим временем бывает и весна, когда после долгой зимы начинает ярче светить солнышко. Когда набирают силу ручьи и появляются первые проталины, а затем и первые цветы. Разве это плохое время года? Лето – это тепло, лето это вода, лето это витаминное изобилие, зелени, овощей, первых ягод и фруктов. Осень тоже хороша яркими красками увядающей природы и обильным урожаем.

Я люблю и зиму – зиму не слякотную, а морозную, со скрипучим снегом под ногами и сугробами. Зима самое чистое время года, белым покрывалом снега прикрывает всю грязь, поздней дождливой осени. Как красиво зимой, когда идет снег крупными снежинками, кружась в воздухе и медленно опускаясь на землю. После такого снегопада снег еще не слежался и кажется таким мягким, пушистым и легким. Какие красивые деревья, когда покрываются инеем и изморозью. Когда выходишь утром из дома, из печных труб домов поднимается вверх дым, а деревья стоят все белые. Думаешь, что попал в сказку. В сказку из какого-то далекого детства, когда бежишь в школу, которая находится в середине деревни, и снег под ногами только вжикает. Но вот подул легкий ветерок и вся эта белая красота на деревьях вдруг ожила и посыпалась вниз на землю, и деревья стали другими. Но они все равно не потеряли своей привлекательности, только контрастней стали выделяться на фоне белого снега. Нет, зима тоже хорошее, красивое время года.

Ботинки для пионера

Сегодня «День пионера». Вчера Валентина Ивановна, учительница четвертого класса и пионервожатая, предупредила всех пионеров, что нас повезут в район на слет пионеров. Я встал пораньше – боялся опоздать, одел ботинки. Ботинок мы в теплое время года сроду не носили, а тут нам сказали, что босыми на слет не повезут. Правда, у меня не было хороших ботинок, но выбора не было все равно, и одел какие были. А были такие, что просили каши и пальцы гуляли на свободе. Я очень надеялся, что вожатая не заметит моих рваных ботинок и побежал к месту сбора отряда. Собирались у школы, когда пришла вожатая и, построив нас в шеренгу, стала осматривать у всех ли были повязаны галстуки и как мы одеты. Тут-то она и увидела мои рваные ботинки. Я подумал: «Все, не возьмут» и чуть не заплакал. Но Валентина Ивановна взяла меня за руку и сказала:

– Пойдем со мной, – и повела меня в здание школы, где в учительской открыла шкаф и достала новые ботинки.

– Примерь, – сказала она и подала мне ботинки, я отказываться не стал и скинул свою изношенную обувь. Ноги, мы, конечно, не мыли от бани и до бани, но кто это увидит у меня в ботинках. Ботинки были как раз на меня и мы вышли из школы. Я с гордостью шел к ребятам, которые с завистью смотрели на мои новые ботинки, но они видимо были в шкафу только одни.

Подъехала машина и мы дружно полезли в кузов, в котором были скамейки. В районе мы колонной прошли мимо школы десятилетки и по центральной улице направились на стадион, который был одновременно площадью. Отряды были со всех сел и из самого городка, так что колонна была приличной. Мы шли с барабанным боем и под звуки пионерских горнов. После праздничных приветствий и программы, нас повели в столовую покормить. Вот тут мы впервые увидели котлеты, которые в селе отродясь не делали. Котлеты были большими и очень вкусными, с картофельным пюре и подливой. Домой мы приехали уже к вечеру и все побежали по домам, делиться впечатлениями о поездке с родными. Я шел домой с трудом, и когда снял новые ботинки увидел, что у меня ноги стертые до крови. У меня не было носок. Но это не смутило меня, и я был рад, что съездил на слет, что было так здорово, и какие вкусные были котлеты с подливкой! А что ноги, они заживут, так как до школы все равно времени еще много, впереди целое лето. Мама тоже обрадовалась, увидев новые ботинки, на осень у меня была новая обувь.

Горький дым

Осень, погода стояла теплой и сухой. Деревья почти сбросили всю листву, и в лесу был ковер из желтых листьев березы. После обеда, сделав уроки, я пошел к другу Кольке. Хотя он и был меньше меня, но мы с ним были большими друзьями. «Пойдем в лес, жарить хлеб на костре», – сказал я ему. Колька сразу согласился, и, отрезав несколько ломтей хлеба, сунул их за рубаху. По дороге мы позвали еще нескольких ребят и двинулись к покотине в березовый лес. В лесу было красиво, воздух был каким-то особенно светлым и чистым, белые стволы березок, выделялись на желтом фоне ковра из листьев.

Мы насобирали сучьев и разожгли костер, такой небольшой. Сучьев оказалось мало, и мы разбежались по лесу собрать еще, оставив без присмотра костер. От него загорелась листва, сперва потихоньку, но быстро расширяясь, сухие листья горели хорошо. Когда мы увидели этот пожар, то сильно перепугались и бросились наутек. Пожар, конечно, это сильно сказано, горел просто опавший лист и вреда особого он не приносил, но мы были все-таки детьми и перепугались. Добежав до опушки леса, мы остановились и, посоветовавшись, решили вернуться и попробовать потушить горящую листву сами, иначе дома нам попадет. Сломав по хорошей ветке, мы кинулись обратно и стали ветками гасить огонь, который быстро съедал листву и бежал дальше, оставляя за собой черную землю от пепла. Мы стали хлестать по огню и тушить его, дым застилал нам глаза и был каким-то горьким на вкус. Не знаю, сколько мы тушили этот пожар, нам казалось бесконечно долго, но все-таки потушили.

«Ну что, наелись жареного хлеба?» – спросил Шурка, размазывая сажу по лицу, и мы все рассмеялись. Мы долго смеялись, показывая пальцем друг на друга, потому что все были чумазыми от сажи, мы смеялись от того, что потушили огонь, что мы вернулись, нам было весело. Насмеявшись, мы пошли в село, на ходу ели свой хлеб, просто так, не поджаренный на огне костра, но он был все равно вкусным и пах горьким дымом.

На следующую весну, на том месте, где сгорели старые, сухие листья, выросла густая, зеленая трава, эта поляна выделялась среди леса.

На мельнице

Мельница стояла на реке в двух километрах от села вниз по течению. Там была запруда, чтобы летом водой можно было вращать мельничные жернова. Зимой жернова вращали при помощи колесного трактора со шкивом, на который одевали толстый брезентовый ремень. Но рассказ не об этом. Захотелось нам с ребятами половить у мельничной запруды налимов и раков. По утру я зашел к другу Кольке, который жил в соседнем доме, и мы пошли с ним в сторону мельницы. По пути зашли еще к друзьям и вчетвером побежали вдоль реки, гремя котелками, к мельнице. Один берег был крутым и мы знали, что в нем есть норы, в которые прячутся днем раки. Также такие норы занимали налимы, наверное, тоже на день. Мы с Колькой разделись и полезли в воду, глубина была не очень большая, но скрывало с головой. Приходилось подныривать и шарить по стенке берега, выискивая нору. Колька вынырнул из воды, схватив ртом воздуха крикнул:

– Шурка, лови! – и кинул рака на берег. Шурка – это наш третий друг и одноклассник, осторожно взял рака за хвост и поднял его в воздух, потряс и кинул в котелок. Я, поднырнув очередной раз, нащупал нору, засунул в нее руку и меня за палец больно ухватил клешней рак. Я вытащил на пальце руки рака из норы и вынырнул на поверхность, потрясая рукой. Рак был здоровенным и не хотел отпускать палец, я осторожно взял его за середину и чуть придавил. Рак разжал клешню, и я кинул его на берег. Так мы с Колькой продвигались вдоль берега, вытаскивая раков одного за другим. В очередной раз я, поднырнув, сунул руку в очередную нору и почувствовал что-то крупное и скользкое. Это была голова налима. Я обхватил его чуть ниже головы рукой и потянул на себя, вытащив голову из норы. Я взял налима двумя руками и вытащил его наружу. Вынырнув, я крикнул ребятам:

– Есть налим и большой кажись! Кто-нибудь помогите!

Шурка, не долго думая, прыгнул в воду и тоже пытался схватить скользкое тело рыбины. Но налим извивался ужом и пытался вырваться из моих рук. Я держался изо всех сил, болтая в воде ногами, чтобы не пойти на дно, но налима не выпускал. Наконец Шурка и подоспевший Колька крепко ухватили обессиленного налима и выкинули его на берег, где его, прижав к траве четвертый наш товарищ, за визжал от восторга. Налим был таким большим, длиной оказался чуть меньше нашего роста.

Мы все вылезли на берег, оделись и довольные своей работой пошли домой. По пути зашли к Шурке, так как он жил с матерью и младшим братишкой, в самом крайнем доме, отдали рыбину его матери. Мать сказала, что сейчас сварит нам уху из налима. В то время не было газа и печки летом не топили. Варили ужин на таганочке, который ставили на шесток печи, под него клали щепки и разжигали огонь. Пока тетя Паша варила уху, мы в огороде на костерке сварили раков. Вот такой богатый ужин получился у нас в тот день: уха из налима и раки.

В лог (овраг)

Меня мама попросила сбегать в лог за белой глиной. Лог – это обыкновенный овраг, но в Зауралье оврагов нет, есть лога. В нашем селе было два лога и оба были в покотине в березовом лесу. Лога были глубокими и по ним весной неслись потоки талой воды в речку. Берега были крутые, заросшие кустарником, на них в траве хорошо росла земляника. Ягода всегда была крупной и сладкой. В одном логу, который был ближе к селу, на самом дне в берегу был выход белой глины. Селяне брали эту глину для побелки своих домов, раньше об обоях и не знали. Вот туда и нужно было мне сбегать, на брать немного глины. Я взял небольшое ведерко и по пути зашел к своему другу Кольке, который с радостью согласился сбегать со мной за глиной.

Одному в этот глубокий лог идти как-то жутковато, а вдвоем с другом не боязно. Пришли на место, отыскали дыру, в которую нужно было залазить, чтоб набрать глины. Дыра была довольно глубокая и узкая, такая чтоб только пролез человек. Я, толкая ведерко впереди себя полез в эту нору и в конце начал ковырять глину острой палкой и складывать ее в ведро. Вдруг сзади что-то зашуршало: мне придавило ноги, обвалился свод и закрыл мне выход. Я не мог развернуться, нора была узкой и я с перепугу стал орать Кольке, который сидел недалеко и собирал себе в рот землянику. Колька услышал мой крик, он доносился глухо, как из-под земли, подошел и стал руками откапывать заваленный вход.

На мое счастье, обвалился только вход, а не вся эта чертова дыра. Тогда бы я сейчас не сидел и не писал для вас этот рассказ. Колька выл в голос и продолжал рыть, он был перепуган насмерть и боялся, что я там умру. Земля была мягкой и у него хорошо получалось, минут через пятнадцать-двадцать, он вытащил меня за ноги наружу. Мне же это время показалось вечностью. Ногти на пальцах рук у Кольки все были обломаны, но он не обращал на это внимания. Он бегал вокруг меня и что-то радостно говорил, при этом размазывая по щекам слезы. Ведерко с глиной я все-таки не бросил и вытащил его. Сделал, наверное, машинально, не думая.

Немного посидев, мы оба пришли в себя и направились домой. Глины маме я все-таки принес, но ничего не рассказал. Колька рассказал дома матери, а она мужу, который взял лопату и пошел в лог, он обрушил свод дыры, чтобы больше никого не завалило. Я мог пойти за глиной один, если бы Кольки не было дома, а уж вернулся бы я или нет, одному Богу известно. Колька был не только соседом, он был лучшим другом – настоящим.

Укус гадюки

День выдался жарким, как впрочем и все остальные. Лето в Зауралье всегда было жарким, а зима морозной. С самого утра начало припекать солнце, а воздух накаляться. Я пошел к другу Кольке и предложил сбегать с ребятами на Каменуху к фонтану. Купаться нам было негде – в речке не разрешали, ее охраняла милиция, а под струями фонтана можно было охладиться. Это было единственное место, где была вода, правда, она обжигала все тело, так как была жутко холодная. Но это может взрослым было неприятно, а нам, ребятам, все развлечение. Мы забегали под струю и с визгом выскакивали, зарываясь в горячий песок. На Каменухе был выход на поверхность горных пород дикого камня в виде ямы с гранитными стенами. Почему образовалась эта яма, мы не знали – может селяне выламывали бутины камня для фундаментов. Вокруг рос березовый лес, и было очень красиво, провал выглядел таинственно. Мы часто играли в этом провале. Так и на этот раз мы не обошли его стороной.

Искупавшись, мы пошли полазить по камням, поиграть в пятнашки. Взрослые нам говорили, что на Каменухе в этом провале водятся змеи, гадюки, но нам пока не встречались. Мы прыгали по камням, прятались, от того, кто водил. Неожиданно истошно завопил Колька: «Укусила, меня змея укусила!». Мы мигом все выскочили из провала, оставив там вопившего Кольку. Мы все слышали, что нужно отсосать кровь из ранки при укусе змеи, но напрочь забыли об этом. Я первый опомнился и быстро спрыгнул обратно в провал, схватил Колькину ногу и стал отсасывать и сплевывать кровь, делал это пока она текла из двух малюсеньких ранок. Колька продолжал вопить, он перепугался на смерть, нога вокруг ранки, покраснела и немного припухла. Кровь остановилась, Колька перестал вопить, а только всхлипывал, нога немного болела, но идти было можно. Мы с ним выбрались наверх, и все побежали в село, где мать Кольки вызвала сельского фельдшера, который осмотрел ранку и сделал какой-то укол. «Опасности никакой нет, жить будешь, вы все сделали верно», – сказал он и выписал какое-то лекарство. «Вот, надо в районной аптеке купить, у нас нет», – и, похлопав по спине Кольку, ушел. Колька выздоровел, и мы долго не лазили в провал, боялись гадюк.

Сейчас нет того провала, там был открыт карьер для щебня и все перекопали, нет того фонтана, куда бегали купаться. Да и бегать уже некому, – детей в селе почти не осталось...

Земляника с молоком

Конец июня был теплым, вовремя прошли грозовые дожди, и природа, напоенная водой и обогретая солнцем, цвела буйным цветом трав. В покотине, на холмах Кирпичного, так назывались холмы, так как там когда-то делали кирпич для колхозных нужд, поспела земляника. Мы с друзьями часто бегали в лес за ягодами, но земляника поспевала самой первой. Взяв по пол-литровой кружке, я и друг Колька отправились в лес набрать ягод. Мы знали одно хорошее место в логу, на склонах которого росла крупная, сочная земляника. В этом месте всегда росла трава, так как сюда на могли зайти коровы, которых пасли в покотине – было круто.

Мы стали ползать по крутому склону, раздвигая траву, ягод было достаточно много и мы быстро набрали свои кружки. У нас в селе землянику не считали за ягоду, так баловство для ребятшек, вроде нас с Колькой. Ее нельзя высушить на зиму, как другие ягоды, а варенья в то время не варили – не было сахара. Набрав ягод, мы отправились домой. Я не знаю как распорядился своими ягодами Колька, а я высыпал их в алюминиевую чашку для супа, потолок мутовкой и залил молоком.

У нас не было своей коровы, и молоко нам давали соседи, тетка Ульяна, у них не было своих детей и они иногда давали нам кринку молока. Я отломил краюху свежего хлеба, который лежал на столешнице кухни, под чистой тряпочкой и стал есть. Наверное для меня не было вкуснее ничего, чем лесная земляника с молоком и мягким хлебом. Я быстро управился со своей порцией. Половину ягод я оставил маме, которая придет вечером с работы. Конечно, она тоже немного поест земляники с молоком, но не всю, половину оставит для меня – так делает любая мама. Сейчас, в наше время, мы тоже едим землянику со сливками, может она на много вкусней той лесной, потому что садовая, но для меня вкус той, остался на всю жизнь, потому что мы ее собирали сами, эту солнечную ягоду.

Шмелиный мёд

«Колька, пошли мед добывать!» – крикнул я своему другу в окно. Колька сидел за столом и что-то делал, я не думаю, что он писал или еще хуже – читал. Колька обернулся к окну и мотнул головой, мол час выйду. Немного погодя мой друг появился и спросил: «Какой мед и где? – Пошли на татарнике шмелей бить, они на нем мед собирают!» И мы побежали за село, где между огородами и лесом рос татарник. Кто не знает татарник, объясню – это такое колючее растение с крупными махровыми цветами, как у астры. Цветы, в основном, двух цветов: бордово-красного и темно-сиреневого на высоком полметра колючем стволе, колючки большие и очень острые. В букет такие цветы не соберешь, хотя они имеют привлекательный вид. Вот на этом татарнике шмели и пчелы собирали нектар, видимо, он был хорошим медоносом. Сломав по тонкому прутику тальника, мы пришли на место сбора меда.

Погода была солнечной и теплой, шмели и пчелы, жужжа, перелетали с цветка на цветок. «Бей только шмелей, они больше, значит и меда у них больше», – со знанием дела сказал я, хотя сам этого ни разу не делал, а только слышал от ребят. Они рассказывали, что нужно ударить по шмелю и убить его, а внутри есть мешочек с медом, который нужно просто слизнуть. Я выбрал шмеля, который, как мне показалось, летал тяжелее других, а значит уже полный меда, замахнулся и ударил, но промахнулся. Колька стоял и смотрел, разинув рот, на мою охоту. Шмелю, видимо, не понравились мои действия – он с лету ударил Кольку прямо в голову. Колька от неожиданности сел на зад и истошно за орал: «Больноооо, ну его этот мед, я не хочууу!» Довод был резонным, я перепугался не меньше его, и тут же согласился с Колькой. Мне вовсе не хотелось получить вместо меда укус шмеля. Я подбежал к Кольке и посмотрел его голову, на ней красовалась огромная шишка. «Ничего себе, надо, наверное, водой помочить, тогда пройдет», – сказал я. Колька, бедный мой друг орал от боли не переставая, я не знал, что делать. «Надо к колодцу бежать, холодной водой намочить и пройдет», – уверенно сказал я, Колька, скуля от боли, поднялся, и мы побежали к колодцу. Зачерпнув ведром воды, я стал потихоньку лить ее на голову Кольки, видимо, ему стало легче и он перестал скулить. «Наелись меду, – весело ухмыльнулся я – долго не захотим», и мы побежали играть.

День был солнечным и теплым, шмели и пчелы с жужжанием кружили над татарником, собирая мед.

Рождество

Сегодня рождество, мы, школьники, конечно в бога не верили, но этот старинный праздник знали, как и Пасху. Утром я проснулся вместе с мамой, ей нужно было топить печь, стряпать хлеб и готовить нехитрую еду на день. С вечера мы с другом Колькой и другими ребятами договорились походить по деревне пославить. К этому празднику готовились все, особенно в зажиточных домах, у кого были коровы. Все знали, что пойдут славить утром дети, а вечером – ряженая молодежь, нужно будет чем-то откупаться.

Я вышел на улицу, на небе светила луна и мерцали звезды, словно подмигивали мне. Стояли рождественские морозы, дым из труб шел строго вверх, так как было тихо, казалось воздух тоже замерз и не хотел двигаться. В окнах домов, где были кухни, горел свет от керосиновых ламп и отблески пламени от горящих печей отражались на стеклах. Я зашел за Колькой, он уже сидел за столом и ел блины, которые его мать пекла в русской печи. Он оделся, и мы побежали на конец деревни, по пути позвали еще несколько друзей. Договорились заходить славить, только в хорошие дома, там больше и вкуснее готовят к празднику. Постучались в дом, хозяин которого работал трактористом. Они считались богатыми – у них была корова и много другой живности, значит и нам угощение будет хорошим. Мы гурьбой ввалились в избу и вразной стали славить. Молитву мы особо не знали, но, как нам казалось, проговорили хорошо и, перекрестившись, уставились на хозяев. Хозяин молча, с удивлением смотрел на нас, а потом рассмеялся и сказал жене: «Давай угощение мальчикам, хорошо пославили». Хозяйка подала нам по шаньге и сырчику. Сырчик, это такое лакомство из творога со сливками и с добавкой распаренной луговой клубники, скатанное в шарик, величиной с куриное яйцо и замороженное. Сейчас это называется мороженое. Мы довольные вышли из дома. Так мы прошли несколько домов, и везде нам что-то давали. Село было большим, в каждом краю славить ходили свои группы. Это было с утра, вечером же, ходила славить ряженая молодежь, у них, конечно, было все по-другому. В дом они заваливались с шутками и присказками, раскрашенные и одетые в вывернутые шубы, начинали плясать и требовали выкуп. У кого-то из ряженных, обязательно была испачкана сажей шапка и он лез целоваться с хозяевами, которые после этих поцелуев оставались чумазыми. Ряженных старались умаслить, не дай бог обидятся – утром можешь не найти на месте ворот, которые будут закинута на крышу сарая. Праздник проходил весело и сытно, хотя в бога не верили, а может верили, в душе и сердце.

По лужам босиком

Мы с другом Колькой сидели позади амбара и играли в ножички на песке. Ножички, это такая игра: нужно кинуть перочинный ножик с локтя, чтобы он острием воткнулся в песок, затем с плеча и так далее. Выигрывал тот, у кого больше раз воткнулся ножик. Солнце стояло в зените и было жарко даже в тени амбара.

Но наши уши уловили едва слышный гром, это как лист железа протащили по камням. Из-за поскотины со стороны кирпичного заводика напозла черная туча, она быстро закрыла солнце и все небо. Сверкнула большая, вся в зигзагах молния и через мгновение раздался оглушительный треск прямо над нашими головами. Мы с Колькой испуганно прижались к стене амбара. Тут хлынул дождь, да такой сильный, что в десятке шагов ничего не было видно. Дождь был нужен, дождь ждали все и давно.

У нас с Колькой пропал страх, и мы выскочили из-под карниза амбара под дождь, струи воды были теплыми. Везде образовались большие лужи, и потекли ручьи, которые уносили всю грязь с улицы куда-то в овраг, а потом бурным потоком вливались в речку. Мы с восторгом бегали по лужам босиком, наши ноги летом не знали обуви. Мы вымокли до нитки, но не обращали внимания на мокрую одежду, нам было весело, мы были рады дождю.

Дождь закончился так же быстро, как и начался, туча понеслась дальше, в другое село, поливая по дороге поля и лес. Появилось солнце и на небе загорелась радуга, она была настолько яркой и красивой, что казалось, что на нее можно влезть и посидеть. От земли пошел пар, дождь охладил нагретую землю, все кругом зазеленело, он смыл всю пыль и напоил землю. Природа ожила, она была благодарна долгожданному дождю. Мы с Колькой сняли рубахи и штаны, отжали лишнюю воду и снова одели еще влажную одежду: досохнет на нас. Мы пошли по домам, подошло время обеда. Дома ждала горбушка хлеба, огурец и кринка молока.

Удар молнии

Мой друг Колька, я и еще двое друзей играли возле огромных дубов. Дубами мы называли огромные деревья – ивы. Дубы у нас не росли и мы их сроду в глаза не видели, но ивы почему-то называли дубами. Они росли на бывших усадьбах, которые давно были заброшены, так как это место было на берегу и каждую весну заливало водой во время весеннего паводка. За усадьбами сразу начинался крутой и высокий косогор, на котором была сельская улица. Здесь же внизу о бывших домах и огородах напоминали эти огромные, в три обхвата ивы. Сучья начинались на двухметровой высоте и росли густой шапкой. Вот на этих ивах мы играли с друзьями. У нас на сучьях был небольшой шалаш. Деревьев было три, два стояли рядом друг с другом, а третье дерево – чуть в стороне, ближе к косогору. Все было хорошо, как вдруг налетела гроза и начался ливень. Мы забились в свой шалаш, спасаясь от дождя. Сверкали молнии, гремел гром, не то чтобы рядом, но и не так далеко. Вдруг совсем рядом раздался оглушительный треск, как будто разорвали огромное полотно и все осветилось голубым светом. То дерево, которое стояло в стороне, вдруг вспыхнуло и, падая, развалилось вдоль посередке. Молния угодила в него и расколола пополам. Нас как ветром сдуло из шалаша на дерево, так мы перепугались этого грохота. Дождь быстро потушил горящее дерево. Гроза пронеслась мимо и мы подбежали к поваленному дереву, которое было расколото точно посередке, как огромным топором. После, когда все закончилось и прошло какое-то время, это поваленное дерево мы использовали как корабль. Мы отправлялись на нем в плаванье по морям и океанам. Этот корабль нам подарила молния, которая так нас перепугала.

Конопля

Июль месяц подходил к концу. В огородах уже выросло полно всякой зелени: огурцы, лук-перо, горох и много еще чего, чем мы могли бы поживиться по чужим огородам. Конечно, все это росло у каждого из нас, но чужое всегда было слаще. Вокруг плетней, которыми были огорожены огороды, всегда в изобилии росла крапива, лебеда и конопля. Нам, ребятне, не составляло труда незамеченными добраться до грядок и нарвать что попадет под руку. Морковку мы ели немойтой, просто обтирали ее ботвой, также и все остальное.

За селом, рядом с поскотиной, было небольшое поле, даже не поле, а участок, на котором росла одна конопля, такая густая и высокая. Вот туда мы после набега на очередной огород и бежали со своими трофеями. В конопле было интересно играть в войнушку, подкрадываясь к неприятелю по протоптанным тропинкам. Когда конопля созревала и появлялись семена, мы в кулак сдергивали макушку, где были зернышки. Помяв их между ладоней, провеивали от листочков. Очистив, кидали зернышки в рот и, разжевывая, глотали. Вкусом они напоминали мак и были очень вкусные. Откуда брались эти заросли конопли, мы не имели понятия, ее никто не сеял. Конопля, как и лебеда с крапивой, росла сама по себе. В то далекое время, мы и слыхом не слышали, что конопля наркотическое растение. Может та, наша конопля, не подходила для этого, может какая-то другая есть... которая у нас в Зауралье не растет, хорошо бы.

Печёнки

В конце августа, когда до школьных занятий оставалась ещё неделя, мы с друзьями договорились сбегать за кирпичный заводик напечь картошки в костре. Печеную картошку мы называли печенками, так было проще и для нас понятнее. Картошку в огородах еще не выкопали, да мы и не собирались ее копать и тащить с собой, если ее было целое колхозное поле как раз там, куда мы побежали. С собой взяли только немного соли и по горбушке хлеба. Пришли на опушку березового леса, там, где подходило картофельное поле быстро руками нарыли картошки и у большого куста черемухи развели костер. Пока разгорались угли, мы лазили по кусту черемухи и лакомились спелыми ягодами, набивая полный рот, обсасывали мякоть, а потом сквозь сжатые губы, как шрапнелью, стреляли косточками. Когда нагорели угли, мы зарыли в них картофелины и сверху добавили хвороста. Через определенное время, мы вытащили одну для пробы, «Сыровата», – сказал мой друг Колька и мы продолжали лакомиться черемухой. Но вот печенки испеклись, и мы хворостиной все выкатили из кострища. Картошка была горячеей, а у нас не было терпения, чтобы подождать, когда она остынет. Мы хватили ее руками, перекачивая из одной в другую, нещадно дули, затем палочкой соскребали обожженную кожу до коричневого зажаренного цвета, разламывали пополам, солили и ели. Ели кому как нравится: кто вприкуску с хлебом, кто просто так. Наевшись до отвала, мы еще долго смеялись, показывая друг на друга, потому что наши рты и щеки были в саже. Потом, когда уже начинали копать картошку в огородах, всегда пекли печенки не в костре, а в бане на каменке. Нас, школьников, всегда ненадолго водили собирать колхозную картошку после уроков, часа на два. После чего мы всегда пекли печенки в поскотине. Это было хорошее время и мы с удовольствием это делали. Мы ждали, когда созреет картошка, мы любили печь и есть печенки.

Жвака

Мы с другом Колькой сидели на куче песка и играли в ножички. Колькин отец собрался ремонтировать русскую печь в доме и для этого привез телегу песка и глины. Солнце палило нещадно, играть нам надоело, да и было жарко. Мы побежали к речке, чтобы искупнуться у старого моста, где весной была вымыта яма при паводке водоворотом. Накупавшись вдоволь, мы растянулись на песке среди старых свай. Это были даже не свай, а пеньки от них. Мост этот был построен еще до революции и сколько он прослужил, мы не знали. Когда его убирали, нас еще не было на свете. Судя по количеству пней от свай, это был большой и крепко сделанный мост. «Пойдем к бабушке Марфе, выпросим у нее жваку» – предложил Колька. «Не даст она за так, только за деньги или за яичко» – ответил я. Но нам сильно захотелось жваки и мы побежали домой, искать по яичку. Это было не трудно: куры в селе были у всех, также и в наших дворах.

Жвака, это смола, вытопленная из бересты березы. Она была темно коричневого цвета, мягкой и приятной на вкус. Проще говоря – это жевательная резинка по-современному, но жвака не теряла вкуса и чем дольше ее жуешь, тем эластичней она становилась. Варить эту самую жваку умела только бабушка Марфа, которая жила в домике на угоре. Под сараем, где на ночь собирались куры на насест, а днем неслись, в углу в старой корзине приспособленной под гнездо, я взял одно яйцо. Колька тоже нашел и мы побежали к бабушке Марфе, которая сунула нам по комочку смолы, взамен на яички. Мы тут же сунули жваку себе в рот, и с удовольствием стали ее разжёвывать до такой степени, пока она не стала издавать легкие, приятные щелчки, когда из массы вытаскиваешь зубы. Жвака никогда не липла к зубам и чистила их отменно. Вот такая у нас была жвака, по современному – жвачка.

Пучки

Июль, солнце еще не так жарко нагрело воздух и землю. Я сидел на пороге сеней и очищал от коры тонкую, в палец толщиной, ветку. Из ветки должна получиться хорошая шпага, а как же без нее на улице, ну просто никак. Колька пришел как раз во-время, ветку я очистил, обрезал по длине и был свободен. «Пошли по пУчки, там ребята собрались в дальний колок сбегать!» – «Пошли!» – согласился я и почесал босые ноги, которые вымыл вчера в бане. Обувки летом мы не носили.

Пучки, это молодой борщевик, толстые стебли которых пустотелые, мы ими лакомились, очищая от кожицы. На вкус они были приятными и нежными, похрустывали на зубах.

Мы присоединились к своим друзьям и неспешно побежали. Мы, ребятня, редко когда ходили шагом, мы все время куда-то спешили, как будто знали, что детство недолговечно и быстро закончится. До дальнего колка было километра два-три. Колок – это небольшая площадь березового и осинового леса, окруженная полями.

Там не пасли скотину и не вытаптывали траву, потому там росли целые заросли борщевика. Шли мы по полевой дороге, пролежавшей между посевами пшеницы, которая уже набирала колос. Пшеница росла густой и ровной. От легкого теплого ветерка поле ходило волнами, словно море. По обочине росли ромашки и лопухи, которым мы на ходу срубали головки своими шпагами. В лесу было прохладно. Мы стали лакомиться пучками, росшими тут во множестве, срезая стебли складными ножичками. Ножички были у всех мальчишек.

Борщевик еще не перерос и приятно хрустел. Конечно в лесу нас донимали пауты³, которых в это время было много, но кто на них обращал внимание, если тут такое вкусное лакомство! Когда борщевик созрел, и стебли становились грубыми и твердыми, мы использовали трубки стеблей как духовые ружья, стреляя из них косточками черемухи или боярки. Наевшись и нарезав пучек с собой, мы отправились домой. Подошло время идти на речку купаться, при этом заскочить домой и прихватить горбушку хлеба. День проходил не зря, с пользой для здоровья.

³ Паут – Сибирь, Дальний Восток слепень, любой представитель семейства слепней отряда двукрылых насекомых.

Пенки

Я сидел на широкой лавке за столом и слушал радио. Радио в селе провели совсем недавно и было оно нам еще в диковинку. Это был большой круглый, похожий на подсолнух, круг, только черный. В окно я увидел, что ко мне бежит Колька, который зашел в дом и сел у двери. «Что делаешь?» – спросил он. «Что не видишь, радио слушаю!» – ответил я. Мне хотелось дослушать про «Бонивура», был такой герой в гражданскую войну, на Дальнем Востоке. «Пошли сок сочить и пенки есть, отец бревна привез из леса», – предложил Колька. «Да, сок и пенки это лучше. Про „Бонивура“ и завтра послушаю,» – подумал я и вылез из-за стола. Отец Кольки решил срубить новый сруб для баньки, своей у них не было, мылись у соседей. Бревна были осиновыми и несколько березовых тонкомеров на стропила. Бревна не очень толстые и их нужно было шкурить, то есть освобождать от коры. Вот этим делом мы и занялись. Осину шкурить было легко, только делаешь надрез коры складным ножом и лентой отрываешь от ствола. Под корой, был тонкий слой сочной, вкусной пленки. Такого слоя нет больше ни у какого дерева, слой-то есть, но не такой сочный и вкусный как у осины. Вот этот слой мы и сочили ножиком, то есть соскребали и в рот. Это было блаженством, когда ешь эту вкуснятину, то думаешь, что нет ничего вкуснее на свете. У березы тоже было чем полакомиться, особенно у молодых деревьев с молодой корой. У березы снимаешь бересту, а под ней тонкий слой коры, который берешь и сгибаешь кусочек, с краю и тянешь вниз, от коры отделяется тонкая пленка – пенка, которую тоже ели. Вот таким манером, мы за пару дней ошкурили бревна для баньки. Работа было полезной и вкусной, да еще Колькин отец за работу купил нам кулек красных, обливных пряников и кулек конфет подушечек. Такое удовольствие мы получали не каждый день. Говорят, слаще морковки нет ничего, есть, это осиновый сок и березовые пенки.

Угоры

Я сидел за столом, где только что делал уроки. Потом решил сходить к другу Кольке, он, наверное, тоже их уже сделал. Я оделся, так как была зима, и побежал к другу. «Пойдем на угор к конторе, покатаемся на санках,» – предложил я. Колька, конечно, отказать не мог, так как знал, что на угоре кататься весело. Угоры, это холмы, на которых расположилось наше село. Вот с них мы и катались. Самым любимым был угор у конторы, с него катались на санках и на нем всегда было много детворы. Санки были разные: у кого-то простенькие, сколоченные из брусков, у кого-то вязаные. Вязаные, это произведение столярного искусства, такие делали для упряжки лошадей, только маленьких размеров. Делали их без единого гвоздя или болта – их вязали. На такие санки садились двое или трое и с визгом неслись с угора до самых ворот конторы. Детворы было столько, что при спуске сталкивались санками и со смехом падали.

Вот мы и пошли с Колькой на этот угор. У него были старенькие, но еще крепкие вязаные санки, на которых мы катались вдвоем. У меня санок не было. Катались до самого вечера, пока не стало темнеть. Домой я пришел весь в снегу, намерзшим на одежду и валенки. В избе топилась железная печка. Кроме печи, у нас была еще и железная, топили ее вечером. Я скинул одежду и повесил ее сушиться. Взял большую картошину и ножик, нарезал тонкие пластики, положил на раскаленную печку поджариться, при этом переворачивал их. Картофельные пластики поджаривались до хрустящей корочки и были очень вкусные. Так, сидя на голбчике у печки, я уплетал эти, как сейчас говорят, чипсы. На улице зима и мороз, а мне тепло и уютно дома, у горячей печки.

На току

Был конец августа, на полях созрели хлеба. Во всю шла страда: убирали урожай зерновых, в основном пшеницу. Рожь убрали раньше, так как она была озимой и созревала раньше. Обмолоченное зерно свозили на тока, их было несколько в колхозе. Ток – это большая, утрамбованная площадка, на которую свозили зерно от комбайна или молотилки.

Мы с другом Колькой пошли на один из токов недалеко от села в надежде прокатиться на машине, которых в колхозе было две. На току во всю кипела работа, зерно провеивали и подсушивали, чтобы потом на машинах везти на элеватор. Вот мы и надеялись, что нам повезет прокатиться в кузове на зерне до элеватора. Машин на току не было, и мы с Колькой забрались на ворох пшеницы и стали выискивать горошины, которые попадались в пшенице. Горошины были спелые, не пересохшие, и мы с удовольствием их съедали. Ждать пришлось недолго, подъехал газон. За рулем был дядя Миша, которого мы считали своим другом, несмотря на большую разницу в возрасте. Он всегда нам разрешал прокатиться, то на элеватор, то в лес за дровами. На току машину быстро нагрузили зерном, и мы залезли на верх. В то далекое время это разрешалось, так как не было инспекторов на дорогах. До элеватора было двадцать пять километров по грунтовой дороге, тогда асфальт был только в больших городах. Машина катила быстро, и нас приятно обдувал теплый встречный ветер. Лежать на зерне было мягко и хорошо. Когда приехали на элеватор, у нас взяли зерно на анализ – на влажность и чистоту. Взвесив машину на больших автомобильных весах, поехали разгружаться. Открыв боковой, длинный борт, помогли разгрузить машину плицами⁴ и поехали обратно на ток. Так мы катались до самого вечера, помогая нагрывать и разгружать машину.

⁴ Плица – черпак для зерна.

Дядя Боря

Стояли крещенские морозы. Было воскресенье. Я сидел дома у печки, нарезал картофелину пластиками и жарил их на железном верху печки. Светило солнце, но мороз на дворе все равно щипал уши и нос. В клубах пара в дом зашел мой друг Колька, с румянцем на все щеки. «Пойдем ко клубу, там дядя Боря на своей трещотке проехал, может даст афиши расклеить». Дядя Боря это наш киномеханик, он был инвалид войны. У него не было одной ноги, он ездил на трехколесной мотоколяске, которая трещала на всю улицу. Дядя Боря давал нам, ребятне, задание – расклеивать афиши, за это нас бесплатно пускал смотреть кино. Я угостил друга картофельными печенками, которые были поджаристыми и вкусно похрустывали на зубах. После этого я оделся и мы побежали к клубу с надеждой, что нас не опередили другие ребята. У кинобудки клуба стояла мотоколяска, но ребят не было видно, значит мы первые. Поднявшись по лестнице кинобудки, я просунул голову в дверь и, не заходя, уставился на киномеханика. Дядя Боря молча сунул мне афиши, которые были написаны от руки акварелью, и я, с радостью шмыгнув носом, кубарем скатился вниз. Колька тоже взвизгнул от радости, такое нам перепадало не каждый день, конкуренция была жесткой – кто не успел, тот опоздал. Так нам нужно было расклеить две афиши, одну у конторы колхоза на воротах, другую на той стороне речки, на заборе конного двора. Дяде Боре было все равно, как мы прилепим афиши, хоть на кнопки, хоть на жеваный хлеб. Если были старые кнопки, то мы их вытаскивали и использовали еще раз, если нет, то что-нибудь придумывали. Сейчас была зима и проблемы, как прикрепить афиши, не было, поплевав на углы афиши, лепили ее к доскам и она намертво примерзала. Так мы и сделали, быстро управившись с этим заданием, пошли на угор, покататься на санках. До детского сеанса еще было время. Сегодня мы с другом Колькой, бесплатно идем в кино, мы были счастливы – день был удачным, хоть и морозным.

Родное...

Было воскресенье, погода в сентябре стояла солнечная и теплая. Я рубил дрова. Дрова привезли из леса на лошади. Ко мне пришел мой друг Колька и предложил сбегать за ягодами боярки. Мы знали все кусты боярышника, которые росли в округе. В это время ягоды созрели и были в самый раз для сбора. Ягоды боярышника были разные по цвету: одни были бордово-красные, другие – желтые. По вкусу они мало чем отличались, но все-таки различие было – желтые, нам казалось, вкуснее и мясистее. Я сразу согласился – дров я уже на завтра нарубил, да мне и не очень нравилась эта работа, но маму послушаться я не мог. И это была моя обязанность.

Решили идти за бояркой к вышке геодезистов, которая была в трех километрах от села. Там ягоды были желтые и крупные. Взяв по небольшой корзинке и горбушке хлеба, мы с Колькой отправились к заветному кусту. Можно было идти по дороге, но это дальше, и мы пошли напрямки по березовому лесу. Места нам были знакомы, наверное, с самых яслей, и заблудиться мы не могли. Путь до вышки у нас много времени не занял, так как мы, ребяташки, редко ходили шагом, а тут и вовсе с пустыми корзинками добежали быстро.

Куст боярышника стоял на своем месте и был весь усыпан гроздьями крупных ягод, значит мы были первыми. Как известно, боярышник очень колючий, у него длинные и острые шипы, но мы их не боялись. Наши подошвы и не такое видели. Мы были босыми. Кто же из деревенских мальчишек в такое тепло носит обувь? Эта роскошь только для городских. Да она нам бы просто мешала. Мы быстро набрали свои корзинки, также не забывая класть по горсти ягод в рот. Обсасывали мякоть, а косточки выпускали сжатыми губами как пули.

Управившись с этим делом, мы подошли к вышке, которая стояла недалеко от куста. Вышка это такое сооружение из бревен, похожа на буровую, только намного выше, наверх вела лестница, от пролета к пролету. На самом верху был знак геодезистов и площадка с перилами. Поставив корзинки с ягодами на землю, мы с Колькой решили залезть на самый верх. Этого мы никогда не делали, потому что было боязно, высота-то уж больно большая, но тут решились. И мы полезли от перехода к переходу. Мы оказались на самом верху, на маленькой площадке. Нам открылся изумительный вид, вид, который мы не видели ни разу в жизни, даже с колокольни нашей церкви. Внизу был лес такой яркой раскраски, и далеко, до самого горизонта, были видны поля с небольшими колками леса и колокольня нашей красавицы-церкви. Также была видна макушка церкви соседнего села. Все это было знакомо до боли, но с такой высоты виделось по-новому, по-другому, все намного красивее. Воздух в сентябре был настолько чистым и прозрачным, что, казалось, звенел. Мы с Колькой стояли, разинув рты от изумления. Мы потеряли дар речи. Наконец Колька тихо произнес: «Надо же, как далеко все видно». Ни он ни я не сказали, что это красиво, мы наверное этого еще не знали как выразить, но это осталось в сердце и в памяти на всю жизнь. Это все родное... до боли.

Самануха

Полевые станы в колхозе были по обеим сторонам речки. Они были для того, чтобы во время посевных и уборочных работ было где подремонтировать сеялки и колесные трактора. На нашей стороне стан был километрах в трех от села и стоял он на опушке леса. Был там выкопан колодец, чтобы было где брать воду для моторов тракторов и комбайнов. Также из них черпали воду, чтобы напоить лошадей, на долю которых, в то далекое время, ложилась масса работ.

Стоял на стане домик для обогрева в ненастную погоду, где можно было пообедать и даже переночевать. На ночь оставались только те, кто был не женат, так как во время страды дома нужно было рано вставать и идти сюда на стан. Также во время посевной или уборки на стане готовила обеды повариха. Домик был не обычным, а сложен из самана, что для нашего села было редкостью. Саманухи были у некоторых жителей, но они использовались только в хозяйственных нуждах. Домик на стане так и называли – самануха. Он был теплым в холодное время года и в нем было прохладно в летнюю жару. Кто и когда построил этот домик, тут, на полевом стане, не помнили даже старые жители села. Казалось, что он был тут всегда.

Мы, ребятня, летом часто прибегали на стан, в лесу которого всегда было чем пожить. Тут росла дикая вишня и костянка, тут обирали кусты черемухи, также сюда, в этот лес, ходили за груздями, которые потом мыли у колодца. В саманухе можно было посидеть с мужиками, которые приходили сюда пообедать и послушать их байки. Во время уборочной страды на стане всегда было многолюдно. Тут был ток, куда свозили зерно от комбайнов и молотилок, которое женщины провеивали от сорняков и мякины. Женщины раз в год, именно в страду, приводили в порядок самануху. Они все выметали, мыли и белили, домик приобретал нарядный, веселый вид.

В настоящее время я езжу на родину, в свое село, и иногда проезжаю старые любимые места детства, также и полевой стан. Но с годами, надобность в нем, видимо, отпала, дорога заросла. Не бывает там женщин, никто уже давно не чистит и не белил домик из самана. Да и домика уже почти не осталось, так, только стены с пустыми глазницами окон, которые с тоской и укором смотрят на тех, кто приходит за дарами леса. Самануха знала когда-то лучшие времена, времена нашего детства...

Суслики

Я вышел на улицу, покрутил головой по сторонам и увидел своего друга Кольку. Он сидел на завалинке дома и от нечего делать что-то строгал перочинным ножиком. Я подошел, сел рядом и стал наблюдать за работой моего друга. В дорожной пыли купались куры, они смешно топорились крыльями, стараясь как можно больше зацепить пыли, потом встряхивались. Это они так избавлялись от паразитов. Огромный петух тоже был тут, он что-то искал, разгребая землю когтями. Петух был красив: у него было яркое, разноцветное оперение, у кур же оперение было намного скромней. Вот он громко завохтал, это значит он что-то нашел съестное и призывал своих подруг отведать. Куры сразу бросили свои занятия и бросились к петуху, но увы, это что-то досталось только одной.

Нам надоело так сидеть. Интересного ничего не было, эту картину мы видели каждый день. «Пошли к красному берегу сусликов выливать», – предложил я Кольке, – «там и вода близко в речке». Колька не долго думая согласился, все-таки какое-то разнообразие. Мы взяли старое ведро и отправились к красному берегу. Красным называли крутой высокий берег из красной глины, он обрывом подходил к самой реке. От берега до леса была большая поляна, которую облюбовали суслики. Суслики тут жили всегда и когда на подводе проезжали на мельницу, то они столбиком стояли возле нор и своим свистом как бы приветствовали проезжающих. Мы часто прибегали сюда, чтобы вылить из норы зверька, что крайне редко удавалось. Дело даже не в том, что нам нужны были эти зверьки, нам было просто интересно.

Мы пришли на место. С одной стороны крутой берег плавно переходил в низинку и набрать ведро воды было не сложно. Выбрали норку со свежим бугорком земли, значит нора жилая. Вылили ведро в нору и быстро сбегали за вторым, норка заполнилась и вода стояла на месте. Мы стояли и ждали, когда же зверек выскочит из норы, но его не было. «Захлебнулся», – сказал Колька, – «раз не вылезит». Вдруг мы услышали позади свист, обернулись, суслик стоял столбиком и насмешливо посвистывал. Мы опешили от такой наглости зверька и решили туда тоже залить воды. Но все было тщетно, у сусликов очень длинные подземные ходы, со множеством выходов и зверька сложно вылить водой, таская ее ведром из речки. Наша охота на сусликов не удалась, но мы и не расстраивались, главное что мы нашли занятие, хоть и не очень благородное. Были случаи, когда суслику деться было некуда и он выскакивал из залитой водой норы, но его еще нужно было поймать. Это тоже было редко, зверек всегда успевал юркнуть в один из многочисленных отнорков, которые он знал, он же не бежал куда попало, а именно туда, куда надо. Суслики в таких местах вреда большого не приносили, только иногда, какая-то корова могла сломать ногу, попадая в норку ногой, но это случалось крайне редко.

Так мы пытались вылить суслика, пока не захотелось есть. Прихватив старое ведро, мы побежали домой, солнце уже перевалило зенит, самое время подошло поесть.

Березовка

Весна, только что сошел снег и отшумели ручьи. По деревьям пошла живительная влага, нужная для роста листьев. В это время, мы ребяташки, лакомились березовкой. Так мы называли сладкий березовый сок, и его было много. Мы договорились с моим другом Колькой после уроков сбежать на покотину и попить березовки. Взяв небольшой топорик и выбрав по дороге трубочки из сухой высокой травы, мы отправились в березняки покотины. Выбрав по хорошей березе, делали топориком небольшую насечку, вставляли в нее трубочку. По ней тонкой струйкой потек сок. Можно было что-то подставить и подождать пока наберется сок и потом выпить, но у нас не хватало терпения и мы сразу брали трубку в рот и пили маленькими глотками. Можно было сделать топором лунку побольше и потом пить из нее, но этого мы делать не умели. В лесу попадались такие деревья, на которых когда-то были вырублены такие лунки. Они были старые и смотрелись как не ровно заросшие шрамы, видимо, таким образом деревья старались залечить свое тело. Можно было сбежать на делянку, где рубили дрова на зиму селяне, и там напиться березовки вволю из больших лунок, вырубленных в свежих березовых пнях. Но это было далеко. Так сбежав в лес, полакомившись березовкой, мы вернулись домой – нужно было садиться за уроки, чтобы не схлопотать завтра в школе пару. Эх, если бы не в школу...

Стрижи

Я и мой друг Колька рыбачили у Красного берега. Красный – это один берег нашей реки. Он из красной глины, отвесный и высокий, тут же был единственный перекаат. Перед перекаатом была заводь с кувшинками. Вот в этой заводи мы и удили пескарей. Отвесная стена берега была вся изрыта норами – это сделали стрижи, они здесь гнездились и выводили потомство. Стрижи были красивые: с длинными раздвоенными хвостами и с белой манишкой. Они стремительны в полете и завораживали наши взгляды. Говорят, стрижи никогда не садятся на землю, потому что они не смогут с нее подняться из-за длины своих крыльев. Наверное, поэтому стрижи всегда гнездятся на обрывах. Питаются стрижи исключительно летающими насекомыми – от них невозможно ускользнуть, настолько они стремительны в полете. Мы с Колькой не столько следили за поплавками, сколько смотрели на стрижей, которые ловко взлетали и прилетали, каждый к своей норке, к своему гнезду, в котором, наверное, были птенцы. «Смотри-смотри», – закричал Колька, показывая рукой в сторону обрыва, – «там кто-то ползет, наверное, это змея». Я посмотрел в ту сторону, куда показывал Колька и увидел змею, медленно ползущую по трещине в глинистом обрыве. Нам было не видно, что это за змея – то ли гадюка, то ли уж. Конечно, змея ползла не просто так – она хотела плотно пообедать птенцами стрижей и занять нору. Стрижи тоже заметили ползущую змею и стали стремительно летать вокруг этого места, пытаясь скинуть змею с обрыва. Мы тоже начали бросать гальку и комки глины, пытаясь попасть в нее. Змея затаилась, но ненадолго, она почти доползла до цели и вот-вот скроется в норке, тут ее и достиг очередной ком глины – змея сорвалась и полетела вниз. Упав на землю, она поползла к воде и поплыла на другую сторону речки. В азарте мы старались попасть в нее, но так и не смогли, змея скрылась в камышах, росших на той стороне. Стрижи успокоились и стали продолжать свои полеты, на лету хватая клювиками все, что летает над заводью, им нужно было кормить свой орущий выводок.

День подходил к концу, мы с другом Колькой смотали удочки и пошли домой, у нас на куканах болтались по паре десятков пескарей и чебаков. Хорошее место у Красного берега, у переката, перед которым в заводи росли белые кувшинки. Красота, которую мы просто не замечали, потому как видели это всегда, мы привыкли к этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.